

Вскоре легкий мягкий вихрь поднял опавшие листья и сгреб их в угол...

Закончив с этим, та золотая рыбица словно с облегчением вздохнула, довольно пошевелила хвостом и уже собиралась погрузиться в воду, как вдруг встретила взглядом с пронизательными глазами Линь Шуан, смотревшей из-за окна.

Маленькая рыбка мгновенно замерла.

Ее рыбы глаза округлились, в них промелькнула вполне человеческая паника, и она даже забыла двигать хвостом.

С громким шлепком она плюхнулась обратно в воду, взметнув фонтанчик брызг, после чего в испуге нырнула в самую глубь ручьевых валунов и исчезла.

Уголки губ Линь Шуан медленно изогнулись в едва заметной, но искренней улыбке.

Она узнала ее.

Это была Е Цин.

Та искра жизни, которую та оставила в тот день, действительно позволила этому рыбьему духу упорно выжить. Более того, неизвестно каким способом скрывая свое присутствие на всем пути, она тихо следовала за ней до самого сюда.

Ее духовная сила еще не восстановилась, она даже не могла принять человеческий облик, поэтому с помощью столь наивного и первобытного способа она молча возвращала долг за оказанную милость.

Тихие воды глубоки, а благодарность затаилась на дне.

Маленькая рыбка платит за добро без лишнего шума и суеты.

Она не стала ничего разоблачать или прогонять её.

Она продолжала свое путешествие: спасала умирающих, исцеляла раненых и собирала Заслуги.

А та маленькая золотая рыбица по-прежнему каждое тихое утро и глубокой ночью использовала свои слабые силы, чтобы приводить в порядок ее жилище и охранять целебные травы.

Добрые дела порождают круговорот благих воздаяний, а причины и следствия сплетаются воедино.

Линь Шуан мягко и плавно очнулась посреди теплой и ласковой темноты.

Вокруг ее тело обволакивала густая жидкость, нежно укутывая, словно дорогой бархат, и даря невиданное доселе чувство полной защищенности и покоя.

Она инстинктивно шевельнулась, прислушиваясь к слабому биению сердечка внутри этого крошечного тела.

— Система, где я сейчас? — мысленно спросила она.

[Динь! Обнаружено, что сознание хозяина пробудилось.]

[Текущие координаты: Живой Будда Цигун. Вселенная: воплощение в персонажа — посмертный ребенок Хун Сюин.]

Холодный электронный голос Системы на этот раз прозвучал на удивление невинно.

[Динь! Идет передача воспоминаний прежней владелицы тела и линии мира.]

Огромный поток информации хлынул в сознание Линь Шуан, и она в одно мгновение «увидела» короткую и полную обид жизнь прежней владелицы, а также развитие сюжета, от которого у нее, великого тысячелетнего духа, буквально зачесались кулаки.

Мать оригинального персонажа, Хун Сюин, недавно овдовела и носила под сердцем ребенка, но ее насильно обесчестил сын всемогущего Великого наставника, обладающего огромной властью при дворе.

Вдобавок к этому злодей ударил несчастную женщину ногой в живот, вызвав жестокий выкидыш.

Хун Сюин покончила с собой, снедаемая лютой ненавистью, но ее спасла сострадательная матушка Тудипо, вселившаяся в тело для мести.

И что в итоге?

Эта банда последователей Цигуна приперлась в самый неподходящий момент, чтобы непременно всё уладить и примирить враждующие стороны! В конце концов Даоцзи заставил ребенка заново возродиться во чреве Хун Сюин.

Словно под моральным давлением, Хун Сюин заставили «простить» того насильника, который разрушил всю ее жизнь!

Этот негодяй покалечил бесчисленное множество непорочных девушек, но в конце концов стоило ему лишь просветлеть и уйти в монахи, как это списало все его грехи?

Еще более возмутительным было то, что позже Резиденция великого наставника все равно отыскала их мать и ребенка, пытаясь истребить до последнего человека.

А этот малыш, душа которого еще до своего появления на свет познала и смерть, и возрождение, — вся его недолгая жизнь была наполнена пассивностью и беспомощностью.

Он даже не успел затаить сильную злобу или обиду, и его единственным навязчивым желанием было лишь то, чтобы его бедная матушка Хун Сюин вырвалась из этой трагической судьбы, прожила свою жизнь счастливо и благополучно, не подвергаясь больше подобным издевательствам и страданиям.

«Умиротворение» злодеев и принуждение жертв к прощению — этот избитый и тошнотворный сценарий...

[Хозяин подтверждает принятие поручения прежней владелицы. Теперь доступны для обмена начальные предметы.]

Линь Шуан бегло взглянула на световой экран и быстро сделала выбор.

[Динь! Обмен успешно завершен. Пилюля красоты, Пилюля мудрости, Пилюля укрепления тела, Пилюля продолжения рода и Аура всеобщего любимца-универсала выданы в пространство Системы.]

— Система, я сейчас всего лишь эмбрион и не могу использовать их самостоятельно. Помогите мне распределить Пилюлю красоты, Пилюлю мудрости и Пилюлю укрепления тела: выделите по одной доле для меня и для моей матери, полностью растворив их в наших телах. Установите режим медленного усвоения, чтобы изменения происходили постепенно и незаметно, не вызывая никаких странных явлений.

[Приказ подтвержден. Начинается слияние...]

Подобный теплой воде, чистый и мягкий поток энергии зародился из ниоткуда и, словно нежнейшие весенние капли дождя, бесшумно проник в изможденное тело Хун Сюин, одновременно питая растущую в утробе Линь Шуан.

Хун Сюин, убитая горем из-за смерти мужа и простоявшая на коленях целый день в клане в поисках справедливости, и без того была слаба. Истощенная скудным питанием последних дней, она держалась из последних сил.

Сейчас она лежала на холодном и жестком деревянном ложе, отрешенно глядя на потолочные балки и гадая, как же ей жить дальше.

Ее родной дом находился в соседней деревне семьи Хун. Там жил старший брат, но он уже обзавелся женой, к тому же на руках у них было несколько требующих еды племянников. Семья жила бедно, и возвращаться туда значило лишь быть обузой — не факт, что сноха с братом захотят приютить ее надолго.

А теперь в ее чреве еще теплился четырехмесячный плод — единственная кровь покойного мужа...

Ее покойный муж был сиротой с рано умершими родителями, пробивавшимся в жизни исключительно собственным трудом.

Отправившись на заработки вместе с сыном деревенского старосты, он надеялся сколотить состояние, но они несчастливо столкнулись с горными разбойниками. В суматохе муж сорвался со скалы и погиб, и даже его тела не смогли найти.

— Эх... — горестно вздохнула Хун Сюин, и по ее щекам снова покатились слезы.

К счастью, староста деревни Янь и сородичи испытывали чувство вины, считая, что именно их сын навлек беду на ее мужа. По крайней мере, они пока не собирались проявлять такую бессердечность, чтобы выгонять новоиспеченную вдову из деревни и отбирать ее дом с наделом — по крайней мере, в первые пару лет они наверняка будут оказывать ей помощь, чтобы она смогла благополучно разрешиться от бремени.

Но что будет дальше?

Одинокая вдова с младенцем на руках, пытающаяся выжить в этом жестоком мире...

Хун Сюин не смела даже думать об этом — ей казалось, что впереди сплошной мрак.

В этот момент она вдруг почувствовала, как из нижней части живота поднимается тепло и быстро разливается по всем конечностям. Ее колени, онемевшие от долгих стояний на коленях, и тело, изнуренное горем и голодом, чудесным образом расслабились. Казалось, даже тяжесть на сердце немного отступила.

— Быть может... это мой малыш защищает маму?

Хун Сюин инстинктивно опустила руку на слегка округлившийся живот.

Она глубоко вздохнула и через силу приподнялась на ложе.

В теле появились силы, да и мысли стали куда яснее.

Нельзя и дальше утопать в скорби. Ради себя и ради ребенка во чреве она должна взять себя в руки и хорошенько подумать, как добыть безопасный и спокойный путь к выживанию для них обоих здесь, в деревне Янь.

А Линь Шуан внутри материнской утробы, ощущая мягко струящуюся целебную силу, которая постепенно укрепляла ее основы, довольно «свернулась калачиком».

Мама, не бойся.

В этой жизни я с тобой.

Твое счастье я беру под свою защиту.

Мысли в море сознания едва успели обрисовать наброски планов на будущее, как непреодолимая волна тяжелой дремоты хлынула потоком, накрывая ее с головой.

Линь Шуан попыталась удержать бодрствование, но ее тело в стадии эмбриона отчаянно нуждалось в долгом сне для поддержания стремительного роста и развития.

— Ум-м... —

Она мысленно сладко зевнула, ее чувства постепенно притуплялись, а слабое восприятие активности материнского организма вокруг понемногу отдалялось.

Окружавшие ее околоплодные воды стали еще теплее и уютнее, напоминая безмолвную колыбель.

Думать... так устала.

Давай потихоньку...

Сначала...

Переполненная жаждой устроить переполох, Линь Шуан снова пробудилась от глубокого сна.

Благодаря остаткам призрачной ци и заслугам из прошлой жизни,

она могла смутно ощущать энергию внешнего мира и даже слабо улавливать блуждающие по миру наивные и одинокие слабые существа — детские духи-младенцы.

В основном это были чистые души нерожденных или преждевременно умерших малышей, которые несли в себе врожденную жажду жизни и капельку обиды, пребывая в полубессознательном состоянии.

Она собрала воедино крупицу духовной силы и, словно зажженный во тьме маяк для блуждающих душ, беззвучно позвала эти скитающиеся сущности.

Вскоре несколько неразумных и слабых огоньков поддались на зов и с любопытством обступили ее убежище снаружи.

— Хотите есть? Хотите поиграть? Хотите отправиться в место, где много вкусного и веселого?

Линь Шуан передала с помощью духовного сознания заманчивый призыв и одновременно поделилась с ними толикой духовной энергии.

Прикоснувшись к этой чистейшей силе, крошечные духи, словно иссохшая земля под проливным дождем, мгновенно «оживились» и излучили эмоции нетерпеливого желания.

— Идите. Следуйте по этой дороге и отыщите человека по имени Цинь Хуань.

Он — молодой господин из Резиденции великого наставника, у него полно всяких лакомств.

Заберитесь к нему в живот — это место станет вашим новым домом.

Линь Шуан указала этим детским духам точное направление и передала ауру Цинь Хуаня, молодого господина из Резиденции великого наставника.

Эти духи еще не обрели разум — откуда им было знать о различиях между мужчинами, этике и морали?

Они восприняли лишь главные ключевые слова: «есть вкусненькое», «поиграть», «залезть в живот».

И уловили призыв той ауры, которой инстинктивно доверились.

— Старшая сестра такая добрая!

— Идем искать вкусняшки!

— Залезаем в животики!

— Какая разница, мальчик или девочка? Это же просто животы! Хи-хи!

Они издали радостные и хаотичные мысленные возгласы и, словно получившие конфеты дети, выстроившись в кривую цепочку, с веселым гамом устремились в сторону Резиденции великого наставника, прямо к тому молодому господину Цинь Хуаню, который еще не подозревал о надвигающейся буре.

В Резиденции великого наставника, в спальне молодого господина Цинь Хуаня.

Пологи опустились низко, солнце уже давно поднялось высоко, а Цинь Хуань все еще предавался странному чувству утренней усталости и с трудом продираал глаза.

Он привычно попытался потянуться, но почувствовал, будто его тело налилось свинцом.

Оно было тяжелым, словно не принадлежало ему, а внизу живота ощущалось необъяснимое распирающее и ноющая тяжесть.

— Тц, вчера ведь ни к кому из девиц не ходил развлекаться... — пробормотал он, списывая все на то, что слишком крепко заспался.

Пока он не торопясь умылся и привел себя в порядок, а затем шагнул в столовую, наступил уже полдень.

Великий наставник Цинь давно вернулся из дворца после утреннего доклада и при виде ленивого сына, который изволил встать лишь в полдень, пришел в такое бешенство, что с грохотом опустил чашку с чаем на стол!

Глухой звон заставил стоявшую рядом служанку испуганно вздрогнуть.

— Погляди на сына, которого ты вырастила! — в гневе сверкнул глазами Великий наставник на госпожу Цинь.

Целыми днями бездельничает, только и знает, что околачиваться в кварталах красных фонарей!

Когда я уйду со своего поста, с таким поведением как он сможет удержать честь нашего рода Цинь?!

Рано или поздно он натворит великую беду!

Госпожа Цинь, движимая материнской любовью, поспешно заискивающе улыбнулась:

— Супруг мой, умерьте гнев, Хуань-эр ведь еще мал...

К тому же, с нашим влиянием и властью дома Цинь, даже если он останется праздным и богатым гулякой, разве в этом есть что-то страшное?

Хватит сердиться, давайте лучше пообедаем.

В этот момент Цинь Хуань неспешно приплелся к столу.

Он лишь чувствовал, что ноги ватные, а в пояснице и коленях ощущается слабость,

будто... будто он провел трехсоткратное ожесточенное сражение с кем-то, и теперь невыносимо устал.

Однако в животе при этом зияла пустота, да так сильно сосало под ложечкой, что подкатывал голод.

Он плюхнулся на стул возле стола и, не обращая внимания на мрачное лицо отца, схватил палочки и принялся мести еду с устрашающей скоростью.

Кушанья из курицы, утки, рыбы и изысканные закуски исчезали в мгновение ока, а ел он с таким аппетитом, будто переродился после голодной смерти.

Большой наставник нахмурил брови от увиденного, а госпожа Цинь лишь пожалела сыночка, думая, что тот изголодался, и с заботой подкладывала ему еду.

Наконец Цинь Хуань перевел взгляд на последнее блюдо — парового окуня.

Рыба выглядела нежно, испуская аппетитный аромат.

Он подцепил палочками крупный кусок и только было поднес ко рту, как дикая, неопиcуемая волна тошноты мгновенно из желудка подступила к самому горлу!

— Кхе-е... Уэ-э! —

Он резко бросил палочки, согнулся пополам и зашелся в сухих позывах рвоты, едва не подавившись слезами.

— Что... что с этой рыбой?! От нее несет тухлятиной! Тошнотворно!

Еле переведя дыхание, он ткнул пальцем в тарелку и взревел от ярости:

— Какой тупица это готовил?! Вытащить этого ублюдка во двор и дать двадцать палок!

Управляющий побледнел как полотно и поспешно бросился наказывать злосчастного повара.

Выплеснув гнев, Цинь Хуань рухнул в кресло, тяжело дыша. Во рту стоял пресный вкус, а только что съеденная пища словно испарилась, не оставив ни следа.

Он почмокал губами, и странное желание захлестнуло его изнутри.

— Матушка, вся эта еда слишком пресная, никакого вкуса... —

Он поморщился, инстинктивно потирая ноющую грудь.

— Мне хочется... кислого, да, до сведения зубов кислого! И острого, чем острее, тем лучше!

Госпожа Цинь остолбенела, глядя на слегка бледное лицо сына, на котором проступал странный, неестественный румянец.

— Хорошо-хорошо, матушка сейчас же велит приготовить кисло-острый суп и принести засахаренного боярышника.

Госпожа Цинь быстро отдала распоряжения, а затем проводила взглядом сына, который снова начал зевать и выглядел утомленным.

Этот ребенок все еще не вырос, сколько же хлопот он доставляет матери.

Осилив миску кисло-острого супа и пожевав засахаренный боярышник,

Цинь Хуань наконец почувствовал, что бушевавшая внутри тошнота немного утихла, а в желудке появилось хоть какое-то наполнение.

Едва оправившись, его неугомонная натура вновь взяла свое.

Прихватив серебро, выпрошенное у матери слезами, он собрался идти на поиски своих любовниц из веселых домов.

Кто бы мог подумать, что стоило ему с гордым видом выйти в расписную галерею, как новая, еще более сильная волна головокружения и тошноты нахлынула без всякого предупреждения.

У него в глазах потемнело.

Он поспешно ухватился за холодный каменный столб рядом с собой,

но не успел даже выровнять дыхание, как его вырвало со словами: «Уэ-э!», да так темно перед глазами закружилось, что казалось, будто он сейчас выблевывает собственную желчь.

— Молодой господин! Молодой господин, что с вами?! — слуга-подпевала испугался до смерти.

Одной рукой он в панике хлопал Цинь Хуаня по спине, а другой орал тонким голосом:

— Слепые глупцы! Разве не видите, что господину дурно?! Быстро! Несите ночной горшок! И скорее зовите лекаря!!

В душе он проклинал все на свете: если с молодым господином что-то случится, хозяин с госпожой живьем сдерут с него шкуру.

В резиденции поднялась суматоха, и вскоре в дом пригласили довольно известного в городе молодого лекаря.

Лекарь по фамилии Хуа происходил из потомственной семьи целителей, его предки в пяти поколениях занимались медициной, а сам он специализировался на внутренних болезнях.

Слуга проводил лекаря к постели и взволнованно затараторил:

— Лекарь, умоляю, взгляните на нашего молодого господина! Ему вдруг снова стало плохо — тошнит и кружится голова. Не съел ли он чего-то не то или не подхватил ли какую хворь?!

Лекарь Хуа не смел медлить. Вымыв руки и затаив дыхание, он опустил пальцы на запястье Цинь Хуаня.

Едва коснувшись пульса, он слегка приподнял брови, и в его сердце мелькнуло удивление: пульс оказался скользящим и плавным, словно жемчуг, катящийся по нефритовому блюду.

Он невольно покосился на лежащего в постели молодого господина семьи Цинь, чье лицо приобрело восковой оттенок, и который непрерывно стонал, после чего поспешно подавил эту нелепую мысль.

Какой бред! Должно быть, у меня недостаточно опыта, раз померещилось такое.

Молодой господин — мужчина, как он может...

Он глубоко вздохнул и снова сосредоточился на пульсе.

Так, в этом скользящем пульсе вроде бы прослеживались нотки струнного, да и сам удар был слегка поверхностным и слабым...

Он вспомнил слова слуги о «рвоте» и «головокружении», а также доходившие до него ранее слухи о разгульном образе жизни этого молодого господина.

Вот оно! Всё сходится!

Лекарь Хуа убрал руку, принял уверенный вид и сказал тревожно ожидающим госпоже Цинь и управляющему:

— Госпоже не стоит излишне беспокоиться.

Подобный пульс у молодого господина вызван скоплением сырости и мокроты внутри, которые заблокировали среднюю часть цзяо, в сочетании с застоем печеночной ци, что привело к обратному току желудочного сока.

Вероятно, это из-за неразборчивости в еде в последнее время, беспорядочного образа жизни и... кхе... возможно, некоторого... избытка плотских утех, истощивших истинную сущность Ци, отсюда и столь сильные приступы рвоты и головокружения.

Говоря это, он уже брал кисть и выписывал рецепт:

— Младший выпишет отвар для укрепления селезенки, устранения сырости, регулирования ци, гармонизации желудка и остановки рвоты. Пусть для начала примет три дозы.

Самое главное — в ближайшие дни молодому господину необходим абсолютный покой, питание должно быть предельно легким, следует избегать сырой, холодной и жирной пищи.

Более того... требуется чистота помыслов и воздержание от половой жизни, иначе это крайне неблагоприятно скажется на восстановлении организма.

Слушая этот поток терминов про «мокроту», «ци печени» и «избыток плотских утех», госпожа Цинь то бледнела, то краснела.

— Благодарю лекаря, благодарю лекаря! Мы непременно сделаем всё, как вы велите!

В душе же она тысячу раз прокляла сына: надо же было прошлой ночью так беспутствовать, раз он докатился до такой болезни.

А лежавший в постели Цинь Хуань, услышав слова «воздержание от половой жизни», и вовсе почувствовал, как в глазах потемнело. Ему показалось, что у него отобрали все радости жизни, и тошнота подступила с новой силой.

Молодой лекарь Хуа, получив щедрое вознаграждение, с полной уверенностью покинул Резиденцию великого наставника, будучи абсолютно убежден в правильности своего диагноза и точности назначенного лечения.

И он даже не подозревал, что нащупал невиданный в веках чудесный пульс — признак беременности у мужчины.

А истинная причина его недомогания вместе с теми отварами для укрепления селезенки и гармонизации желудка, что он прописал, продолжала спокойно «питаться и расти» прямо в животе Цинь Хуаня.

С того дня, как его вырвало в галерее, Цинь Хуань чувствовал себя так, будто его тело подменили.

Тот, кто раньше мог кутить ночами напролет, теперь засыпал на сутки и не мог подняться до полудня.

Но даже проснувшись, он ощущал вялость во всем теле, не находя в себе ни капли сил. От малейшей прогулки у него начиналась одышка, словно всю его жизненную силу и энергию кто-то выпил до дна.

А аппетит стал поистине причудливым.

То вид любимой некогда жирной и масляной пищи вызывал у него тошноту и рвотные позывы, то накатывало такое дикое чувство голода, что ему срочно требовалось съесть что-то конкретное.

Причем его тянуло на все кислое, острое и прочее раздражающее вкусовые рецепторы. Кухня уже сбилась с ног, пытаясь угодить его ежесекундно меняющимся капризам.

Только что ему хотелось кисло-сладкого карпа, в следующее мгновение он мог заявить, что желает кисло-острого супа, а через минуту ему казалось, что во рту пресно, и требовалось пожевать самую жгучую соленую маринованную зелень.

Его нрав тоже стал крайне переменчивым.

То из-за какой-нибудь мелочи он приходил в бешенство и начинал крушить вещи.

То вдруг беспричинно чувствовал себя обиженным, глядя на весеннее увядание за окном, и даже ронял пару слезинок.

Прислуживающие рядом слуги тряслись от страха, не зная, как угодить хозяину.

Но больше всего стыда вызывало то, что в груди...

у него вдруг начали появляться странные ощущения распирания и тяжести.

Малейшее трение одежды доставляло дискомфорт, а порой даже...

Он тайком провел осмотр.

Грудь и вправду слегка округлилась по сравнению с прежним.

Столь жуткие перемены пугали и шокировали его.

Однако он стыдился говорить об этом кому бы то ни было.

Оставалось лишь носить более свободное шелковое белье и двигаться с крайней осторожностью, боясь задеть это...

Госпожа Цинь, наблюдая за состоянием сына, разрывалась между жалостью и тревогой.

В тот день Цинь Хуань вновь расвирепел из-за того, что поданный служанкой женьшеневый отвар показался ему слишком горячим.

Разбив пиалу с супом, он снова обессиленно рухнул на постель, прижимая руки к груди и

тяжело стоная.

— Сыночек мой, да что же с тобой такое творится?

Госпожа Цинь сидела на краю кровати, утирая слезы шелковым платочком.

— И лекарство того лекаря пил, и постельный режим соблюдал, почему же не становится лучше, а вместо этого появились все эти странные хвори?

<http://bllate.org/book/21973/2282997>